

УДК 81'33

Комалова Л.Р.

**СТЕРЕОТИПНЫЕ МОДЕЛИ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ МОЛОДЕЖИ¹**

Статья посвящена исследованию вербальной реализации состояния ответной агрессии русскоязычной молодежи в ситуации социально-ролевой асимметрии в условиях фрустрирующего общения. Анализируются формы вербальной ответной агрессии, её связь с условиями коммуникации, а также проверяется возможность воздействия социально-ролевой позиции фрустратора на ответную вербальную агрессивную реакцию.

Ключевые слова: вербальная агрессия, социально-ролевая асимметрия, фрустрация.

Комалова Л.Р. Стереотипні моделі вербальної агресії російськомовної молоді. *Стаття присвячена дослідженню вербальної реалізації стану відповідної агресії російськомовної молоді в ситуації соціально-рольової асиметрії в умовах фруструючого спілкування. Аналізуються форми вербальної відповідної агресії, її зв'язок з умовами комунікації, а також перевіряється можливість впливу соціально-рольової позиції фрустратора на відповідну вербальну агресивну реакцію.*

Ключові слова: вербальна агресія, соціально-рольова асиметрія, фрустрація.

Komalova, L.R. Stereotyped models of verbal aggression of Russian-speaking youth. *The article focuses on the study of verbal realization of reciprocal aggression of Russian-speaking youth in conditions of social-role asymmetry and frustration. Different forms of verbal aggression and their connection with communication conditions are analyzed. The correlation between frustrators social-role influence and reciprocal verbal aggression is being verified.*

Key words: verbal aggression, social-role asymmetry, frustration.

Повышение уровня агрессивности личности и социума в целом реализуется в возрастающем количестве транслируемых медиа-продуктов, в снижении требований к экологии речи, детабуировании тем деструктивного поведения и придании агрессивному типу общения некоей романтической привлекательности.

¹ Исследование проводится при поддержке Министерства образования РФ в рамках Проекта №6.4411.2011 "Исследование лингвокогнитивного механизма становления и развития состояния агрессии в межъязыковой и межкультурной коммуникации (применительно к многоязыковому дискурсу)" на базе ФГБОУ ВПО МГЛУ под научным руководством проф. Р. К. Потаповой.

С одной стороны, это может объясняться необходимостью индивида в разрядке накопленного социального и индивидуального напряжения, с которым современный человек не в состоянии справиться самостоятельно и поэтому обращается к продуктам масс-медиа, а также реализует это напряжение в общении с другими людьми. В соответствии с так называемым "гидравлическим подходом" (З. Фрейд, К. Лоренц) реализация агрессии (разрядка/катарсис) позволяет снизить уровень последующей агрессии вовне [18, 379]. С другой стороны, согласно теории социального научения, отсутствие фильтрационных барьеров задирает планку "нормальной" агрессивности для подрастающего поколения. Например, согласно исследованию [21, 135-172], мальчики, которые смотрели больше фильмов со сценами насилия, под влиянием провокации в своих повседневных делах и в лабораторных условиях проявляли более агрессивное поведение. Особенно этот эффект проявлялся среди мальчиков, ранее не отличавшихся высоким уровнем агрессии. Однако, как отмечает Дж. Ренфрю, символическая агрессия (сцены насилия по телевидению, в кино и на аудиовизуальном носителе) не является прямой причиной возникновения реальной агрессии реципиента [23, 161].

Традиционно вербальная и речевая агрессия изучается в совокупности проявлений состояния "агрессия" в комплексе с физической, психологической агрессией и сексуальным насилием. Однако современные исследователи утверждают, что феномен вербальной и речевой агрессии требует отдельного рассмотрения [17].

Задача анализа вербальной агрессии – весьма непростая задача. Во-первых, следует различать "вербальную агрессивность – готовность нанести ущерб представлению о самом себе другого человека для того, чтобы (или вдобавок ко всему) занять более выгодную позицию в коммуникации" [20, 61] – и вербальную агрессию – "обмен сообщениями между двумя и более людьми, в котором хотя бы один из субъектов нападает на личность другого субъекта с целью нанесения психологического вреда" [Там же, 67]. Во-вторых, при анализе вербальной

реализации состояния агрессии следует учитывать различные его формы и виды. Так, исследователи А. Басс и А. Дарк помимо классической дихотомии "физическая агрессия – вербальная агрессия" выделяют следующие разновидности: косвенная агрессия, негативизм, обида, чувство вины, раздражительность, подозрительность. Помимо этого вводится дихотомия "аутоагрессия – гетероагрессия" [3]. К. Лоренц, Э. Фромм, Р. Бэрон и Д. Ричардсон разграничивают враждебную агрессию / злокачественную деструктивность, оборонительную агрессию / доброкачественную деструктивность и инструментальную агрессию [11; 7; 2]. В свою очередь, исследователь должен также учитывать порядок реализации агрессивных действий: являются ли они иницилирующими или ответными.

По мнению А.С. Ларионовой, вербальная ответная агрессия может быть вызвана внешним воздействием в виде подавления, принуждения и порабощения "через применение словесных оскорблений и унижений, символических поступков, рассчитанных на запугивание. Наиболее часто агрессивные вербальные и невербальные реакции имеют место при столкновении интересов людей, стремлении подавить адресата или подчинить его своей воле" [6, 10]. Иными словами, ответная вербальная агрессия проявляется в ситуациях межличностного взаимодействия, характеризующихся фрустрирующим воздействием одного из коммуникантов на другого.

Различные исследования подтверждают, что уровень агрессии возрастает при возникновении фрустрирующих факторов [16, 452]. Авторы утверждают, что субъекты с высоким уровнем вербальной агрессивности склонны с большим желанием стремиться к достижению коммуникативных целей, они быстро переходят к использованию агрессивных тактик в коммуникации, когда встречают преграды (фрустрацию¹) к реализации данных целей, и без достаточного уровня сдерживающих (тормозящих агрессию) факторов становятся весьма агрессивными [Там же, 453]. При этом должно соблюдаться условие: агрессия, порождаемая фрустрацией, будет реализована только в том случае,

¹ Фрустрация – блокирование и создание помех для какого-либо целенаправленного действия [2, 126].

если индивид, основываясь на прошлом опыте, осознает, что агрессия является адекватным способом снятия фрустрирующего воздействия [23, 146].

Дж. Ренфрю подчеркивает, что распознавание поведения как агрессивного зависит от личного и культурологического опыта человека [Там же, 145]. Ссылаясь на исследования А. Бандуры, автор выделяет три основных компонента, наличие которых способствует появлению агрессии в ответ на фрустрацию [Там же, 145-148]: 1) источник фрустрации (прошлый негативный опыт, как личный, так и vicарный); 2) зачинщик; 3) подкрепление поведения (дистанция в социальном статусе, негативное подкрепление, демонстрация возможных повреждений и ущерба, отсутствие объяснения фрустрирующих факторов). Добавим к этому перечню тенденций влияние негативной атрибуции (антагонистической установки) [1, 70]. Согласно модели образования новых когнитивных связей Л. Берковица, фрустрация провоцирует агрессивные реакции путем формирования негативного аффекта. "Блокировка достижения цели <...> не будет побуждать к агрессии, если она не переживается как неприятное событие. <...> то, как индивид интерпретирует негативное воздействие, и определяет его реакцию на это воздействие" [2, 46]. Проанализировав экспериментальную практику, авторы утверждают, что влияние фрустрации на появление ответной агрессии зависит от нескольких опосредующих факторов: а) уровня фрустрации, испытываемой потенциальным агрессором; б) наличия посылов к агрессии (стимулов, провоцирующих появления чувства гнева и агрессивности); в) степени, в которой фрустратор непредвиден или неожиданен; г) эмоциональных и когнитивных процессов фрустрированного агрессора [Там же, 130-131].

В этой связи следует упомянуть сформулированный Я.Л. Федоровой закон зависимости силы воздействия оценочного высказывания ("закон рычага"), который гласит: "незначительное по заряду агрессивности выражение приобретает большую силу воздействия, если исходит от лица, отдаленного по соци-

альной дистанции¹, и сила воздействия тем больше, чем больше дистанция. <...> Слово матери будет иметь значительный вес, если ее авторитет, определяемый весом позиции, абсолютен. Это означает, что социальная дистанция между ней и ребенком огромна, несмотря на их близость по признаку свойства ("свой – чужой")" [10]. Автор подчеркивает, что при анализе необходимо также учитывать "широту репертуара языковых средств, характерных для разных лиц, возможный при заданных отношениях диапазон выражения агрессии" [Там же].

Подводя итог вышесказанному, зафиксируем исследовательскую "лауну": вербальная реализация состояния ответной агрессии не рассматривается в её поступательном развитии в акте коммуникации, а также отсутствует дифференциация видов ответной вербальной агрессии в условиях социальной асимметрии.

Целью представленного исследования является уточнение и детализация параметрических характеристик вербальной реализации состояния агрессии.

При написании настоящей статьи были поставлены следующие вопросы:

– какие тактики вербальной передачи состояния агрессии в акте коммуникации характеризуют выделенные исследователями-психологами виды и формы агрессии в целом, иными словами, возможно ли диагностировать вид агрессии только по производимой коммуникантами речи вне рамок специальных психологических способов оценки;

– применимо ли к вербальной реализации состояния агрессии правило, в соответствии с которым отсутствует прямая зависимость увеличения уровня фрустрации и развития состояния агрессии в целом;

– правомерно ли утверждать, что вербальная реализация состояния ответной защитной агрессии подчиняется так называемому "закону рычага".

---

¹ Социальная дистанция учитывает два признака: "свой – чужой", "выше – ниже", являясь как бы их векторной суммой [10].

Методика

В эксперименте использовался метод проективного опросника. Испытуемым была дана установка представить себя на месте персонажа и действовать от его лица в четырёх проекциях: на уровне мыслей, действий, чувств и продуцируемой речи. Испытуемым предлагалась типичная фрустрирующая ситуация общения, спровоцированная проблемой детско-родительских отношений, когда родители пытаются контролировать ребёнка с помощью создания негативного эмоционально-психологического состояния, запретов и внушений. Испытуемый в этой ситуации предстаёт в самой "слабой" позиции – младший ребёнок в семье (помимо обоих родителей в коммуникативной ситуации участвует старший ребёнок, который также является фрустратором). Данная ситуация предъявлялась испытуемым в соответствии с её развитием по-ступательно в четыре такта:

1 такт: родитель (одного пола с испытуемым) запрещает персонажу (одного пола с испытуемым) что-то сделать в момент, когда персонаж начал это действие, при этом родитель обвиняет и оскорбляет персонаж, угрожает ему;

2 такт: родитель (противоположного пола с испытуемым) поддерживает первого родителя в его действиях, обращается к негативному опыту, ставит персонаж в ситуацию жесткого выбора "либо родители – либо улица";

3 такт: старший ребёнок (брат/сестра) противоположного пола с испытуемым поддерживает родителей и вербально снижает статус персонажа, оба родителя также снижают статус персонажа;

4 такт: оба родителя обвиняют персонаж, старший ребёнок использует негативное программирование в отношении персонажа *"если бы не ты, то..."*.

Единственной манипулируемой переменной было выбрано изменение условий коммуникации (четыре такта с разным уровнем эмоционально-психологического воздействия). Измеряемой переменной является реализация ответной вербальной агрессии испытуемыми, представляющими себя в роли

персонажа. Нас интересует, какие формы принимает реализация вербальной агрессии в зависимости от силы фрустрирующего воздействия. Экспериментальным замыслом является нарастание силы фрустрации и введение воздействующих субъектов разной значимости (мать, отец, старший ребёнок) на каждом такте коммуникации.

Гипотеза: поступательное усиление фрустрации влечет поступательное возрастание уровня ответной вербальной агрессии для ситуации социально-ролевой асимметрии.

В эксперименте участвовало 49 испытуемых, в возрасте 20-23 года (средний возраст 21,5 год), студенты 3-4 курсов МГЛУ, гуманитарии, родной язык – русский, места рождения – города РФ. Из общего числа заполненных опросников (n=49) было отобрано 34 текста (29 текстов девушек, 5 текстов юношей), которые отражают наиболее полное перевоплощение (проекцию) испытуемого в предлагаемый экспериментальный персонажный образ, что выражается в использовании прямой речи и речи, вводимой союзом "что", например: *Дочь говорит: "Мама, успокойся..."; "дочь говорит, что это её дело и она всё равно пойдёт"*. Письменные фиксации испытуемыми своих чувств, мыслей и гипотетических действий в экспериментальной ситуации общения подтверждают то, что испытуемыми данная ситуация расценивается как фрустрирующая, а её участники (оба родителя и старший ребёнок) – как фрустраторы. Мы опускаем описание результатов по шкалам "чувства", "мысли", "действия" и остановимся подробно только на ответных вербальных реакциях испытуемых.

Для каждого такта коммуникации было рассчитано среднее квадратичное отклонение признака "ответная вербальная агрессия" как для всей выборки (n=34), так и для группы девушек (n=29) и группы юношей (n=5) по отдельности. Ввиду ограничения объема статьи далее приводятся результаты и обоснования относительно общей выборки испытуемых (n=34).

Распределение признака "ответная вербальная агрессия", реализуемая испытуемыми, на каждом такте коммуникативной ситуации представлено на графиках 1-2.

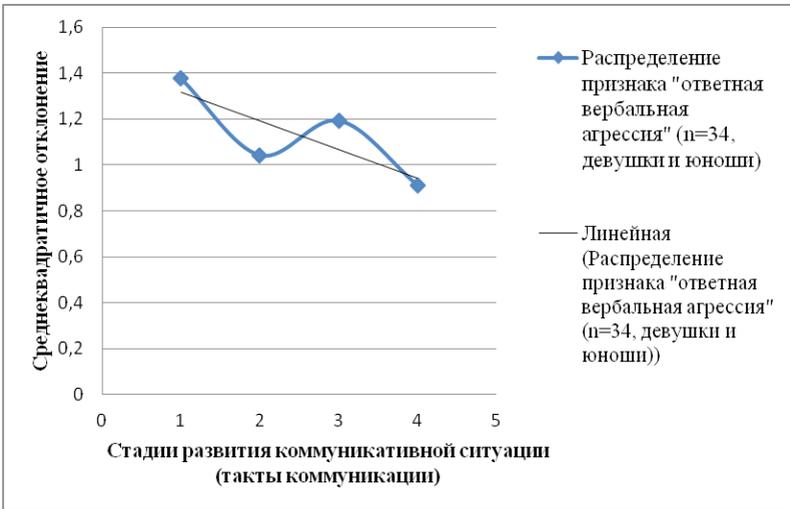

График 1. Распределение признака "ответная вербальная агрессия" (n=34)

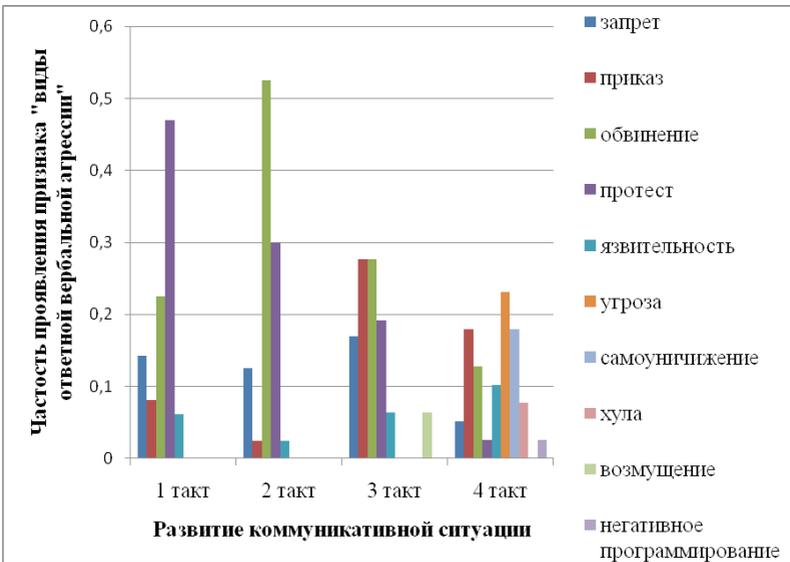

График 2. Распределение признака "ответная вербальная агрессия" (n=34) – дифференциация по видам агрессивной реакции

Соотнесём проявившиеся в экспериментальной ситуации вербальные репрезентанты состояния агрессии с представленными в психологической и лингвистической литературе видами и формами агрессии:

- физическая агрессия – описание совершаемых физических действий деструктивного характера по отношению к другому субъекту;
- прямая вербальная агрессия – оскорбление, грубость, крик, ссора, словесная атака, угроза [6, 17], издёвка, насмешка, пикировка, проклятие, признание в чувствах, выражение оценочных личных номинаций, уничижительная оценка действий другого субъекта, упрёк, хула [12; 8; 14; 5], отсылка к действию, преисловие [10], сквернословие [4; 19; 20; 15], критика, словесная травля, язвительное замечание, колкость, запугивание [2; 22];
- косвенная вербальная агрессия – подшучивание, осмеяние, злобная сплетня [19; 20; 3];
- негативизм – высказывания оппозиционного содержания против авторитетов, руководства, устоявшихся традиций, требований, правил или законов [3];
- склонность к раздражению – вспыльчивость, грубость, брюзжание [Там же];
- подозрительность – высказывания, в содержании которых проявляется недоверие и осторожность [Там же];
- обида – словесные проявления зависти, недовольства и ненависти [Там же];
- аутоагрессия / чувство вины – самоуничтожение, оскорбление себя, пожелание себе смерти, утверждение о том, что сам человек является плохим, поступает нехорошо, вредно, злобно, бессовестно [3; 13].

В соответствии с графиком 2 испытуемые в заданных экспериментальных условиях ответную вербальную агрессию реализуют в основном в виде прямой вербальной агрессии, негативизма и на последнем такте коммуникации – в виде аутоагрессии. Доминирующими тактиками являются протест, обвинение, запрет действия, (грубое) указание к действию/приказ.

Интересно, что тактики "угроза", "самоуничужение" и "хула" проявляются только на завершающем такте коммуникативной ситуации. Это может быть связано с желанием испытуемых выровнять социально-ролевое неравенство, оставив за собой последнее слово. Отметим также, что в большей степени испытуемые готовы сохранять контакт с родителями обоих полов, чем со старшим ребёнком. Это проявляется в частотном использовании обращений к родителям ("мама, мам, papa, pap") и в отсутствии обращений к старшему ребёнку.

При сопоставлении величин вербальной реализации состояния агрессии поступательно от первого такта коммуникации к четвертому с применением¹ критерия χ^2_r Фридмана было выявлено, что различия являются случайными ($p \leq 0,05$). Это подкрепляет утверждения об отсутствии прямой зависимости повышения уровня агрессии в целом при возрастании уровня фрустрации [2].

При выявлении тенденции в изменении величин вербальной реализации состояния агрессии в гипотетической последовательности тактов коммуникативной ситуации с помощью критерия L Пейджа ($p \leq 0,001$) было выявлено, что последовательность тактов коммуникации 4→2→3→1 будет в большей степени отвечать замыслу экспериментатора о поступательном нарастании количества применяемых испытуемыми способов передачи ответной агрессии вербальными средствами, чем первоначально применявшаяся последовательность. Это опровергает первичную гипотезу о прямой связи нарастания фрустрации и увеличения используемых средств ответной вербальной агрессии. Гипотетическое ранжирование по критерию L Пейджа дало следующий порядок нарастания значений ответной вербальной агрессии: 4 такт (низкий уровень ответной вербальной агрессии) → 2 такт (заниженный уровень) → 3 такт (средний уровень) → 1 такт (высокий уровень). Косвенно это доказывает "закон рычага" Я.П. Федоровой. Учитывая, что большинство испытуемых – это девушки, то для них наибольшим авторитетом является фигура матери, затем отца и затем брата, несмотря

¹ Расчеты производились в соответствии с алгоритмами математической обработки, представленными в работе [9].

на то, что на оси "выше – ниже" данные роли располагаются иначе: мать выше и ближе отца и брата; отец выше и дальше брата; брат ниже испытуемой, ближе отца.

При сопоставлении эмпирического распределения признака "ответная вербальная агрессия" с теоретическим с помощью критерия χ^2 Пирсона различий выявлено не было. Следовательно, каждый фрустратор в равной мере вызывает ответную вербальную агрессию у испытуемого, что в свою очередь не опровергает "закон рычага", т.к. разные статусно-ролевые позиции фрустраторов предъявлялись испытуемым в совокупности коммуникативной ситуации, а не отдельно в "чистоте".

Сопоставление эмпирических распределений видов ответной вербальной агрессии (запрет действия, приказ, обвинение, протест) между собой в четырёх тактах коммуникативной ситуации с помощью критерия χ^2 Пирсона подтвердило, что исследуемые распределения различаются между собой ($p \leq 0,01$). Данный вывод даёт право говорить о различии в наборе вербальных средств для реализации состояния агрессии в ответ на разные по силе и интенсивности виды фрустрирующего воздействия.

Отметим следующие ограничения применяемой методики. В описываемом эксперименте не проверялось влияние индивидуально-личностных особенностей испытуемых (темперамента, личностной акцентуацией и т.д.) на предпочтения к той или иной форме реализации состояния агрессии.

Избранный проективный метод призван оставить испытуемому спонтанность действий, а форма письма задает рамки четкой формализации. При этом перед нами не стояла задача разграничения фантазийного, викарного и основанного на личном опыте содержания, хотя заполненные опросники явно фантазийного содержания исключались из анализа.

Ещё одно ограничение связано с экспериментальными (искусственными) условиями – это то, что мы вводим постоянную переменную (реплики фрустратора и рамки фрустрирующей ситуации), а значит, сужаем многообразие развития

ситуации в отношении поведения реальных фрустраторов и соответственного вариативного поведения испытуемых.

В перспективе дальнейшая дифференциация признаков вербальной агрессии и группировка испытуемых в соответствии с их индивидуально-личностными характеристиками, а также включение в исследуемый материал иницирующей вербальной агрессии даст возможность более точно описать комплекс реализации состояния агрессии на вербальном уровне. Также требуется расширение перечня исследуемых стереотипных ситуаций реализации вербальной агрессии и проверка закономерности развития вербальной агрессии при социально-ролевом равенстве и асимметрии с позиций доминирования. Данные подобного расширенного исследования возможно использовать как в чисто исследовательских целях (например, для сопоставления проявления вербальной агрессии в разных лингвокультурах), так и в практических разработках, а именно, при создании систем распознавания состояния агрессии по речи и предотвращения деструктивных последствий агрессивного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2001. – 512 с.
2. Бэрн Р, Ричардсон Д. Агрессия. – СПб: Питер, 2001. – 352 с.
3. Диагностика состояния агрессии (опросник Басса-Дарки) // Диагностика эмоционально-нравственного развития / Ред. и сост. Дерманова И.Б. – СПб., 2002. – С. 80-84.
4. Жильвес В.И. Инвектива // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – 320 с. – С. 187–192.
5. Комалова Л.Р. Лингвистический аспект конфликтологической компетентности: дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГЛУ, 2009. – 378 с.
6. Ларионова А.С. Лексико-семантические и стилистические способы выражения агрессии в художественном тексте (на материале художественных произведений английских и русских писателей XIX–XX веков): автореф. диссертация ... канд. филол. наук. – М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2009. – 25 с.
7. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) / Пер. с нем. Г. Швейник. – М.: Римис, 2009. – 352 с.
8. Любицкая Е.В. Речевой акт угрозы в сленге современной молодежи, 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://conf.stavsu.ru/YOUTH_SCI/SEC7/lubitskaya.htm]. (Дата обращения 20.08.2008г.).

9. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996. – 352 с.
10. Федорова Я.Л. Прямое выражение агрессии в речевом общении // Агрессия в языке и речи: сб. научн. статей / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. – М.: РГГУ, 2004. – 285 с. – С. 219-232.
11. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с англ. Э.М. Телятникова, Т. В. Панфилова. – М.: АСТ, 2004. – 635 с.
12. Шейгал Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. Антропоцентрические исследования. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Вып. 28. – С. 204–222.
13. Шишко М.В. Вербальная характеристика агрессии личности: диссертация ... канд. филол. наук. – М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2009. – 173 с.
14. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 360 с.
15. Banerjee S.C., Kathryn G., Krcmar M., Bagdasarov Zh. Who watches verbally aggressive shows? An examination of personality and other individual difference factors in predicting viewership // *Journal of Media Psychology*, 2009, Vol. 21(1). – Pp. 1-14.
16. Beatty M.J., McCroskey J.C. It's our nature: Verbal aggressiveness as temperamental expression // *Communication Quarterly*, Vol. 45, No 4, Fall 1997. – Pp. 446-460.
17. Brandt D.C., Pierce K.J. When is verbal abuse serious? The impact of relationship variables on perceptions of severity, 2000. – Pp. 71-78. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://murphylibrary.uwlax.edu/digital/jur/2000/brandt-pierce.pdf>] (Дата обращения 20.04.2012г.).
18. Conečni V.J., Doob A.N. Catharsis through displacement of aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1972, Vol. 23, No. 3. – Pp. 379-387.
19. Infante D.A., Sabourin T.C., Rudd J.E., Shannon E.A. Verbal aggression in violent and nonviolent marital disputes // *Communication Quarterly*, 1990, Vol. 38. – Pp. 361-371.
20. Infante D.A., Wigley C.J. Verbal aggressiveness: An interpersonal model and measure // *Communication Monographs*, Vol. 53, 1986. – Pp. 61-69.
21. Parke R.D., Berkowitz L., Leyens J.P., West S.G., Sebastian R.J. Some effects of violent and nonviolent movies on the behavior of juvenile delinquents // L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology*. – New York: Academic Press, 1977, Vol. 10. – Pp. 135–172.
22. Reitman D., Villa M. Verbal aggression: Coping strategies for children // *National Association of School Psychologists*, 2004. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.getschools.k12.wi.us/files/u7/Verbal_Aggression.pdf] (Дата обращения 11.09.2009г.).
23. Renfrew J.W. Aggression and its causes: A biopsychological approach. – Oxford, 1996. – 286 p.